

Открытый научный семинар

«Феномен человека в его эволюции и динамике»

(руководители: С.С. Хоружий, О.И. Генисаретский)

ЗАСЕДАНИЕ № 54

20 октября 2010 г.

Докладчик:

Ивахненко Е.Н.

Тема заседания:

АУТОПОЕЙЗИС ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ ЗНАНИЯ

Хоружий С.С.: Друзья, сегодня наш докладчик — Евгений Николаевич Ивахненко, заведующий кафедрой социальной философии РГГУ. Тема его доклада для семинара новая, но она, безусловно, принадлежит сфере наших интересов. В число антропологических эффектов, наблюдаемых в современности, входят эффекты, вызванные взаимодействиями человека с миром, им же и созданным. Здесь привычно возникает проблематика «обратных связей» человека и техники, человека и технологии, но в объявленном докладе поворот этой темы звучит интереснее. В артефактном мире существуют объекты особого рода — большой степени подвижности, у которых эффекты «обратных связей» на человека значительно сложнее. Они более развиты по сравнению с теми, что мы наблюдаем в ситуации с обычными технологическими объектами.

Базовый концепт здесь — «обратные связи» — был давно известен под таким названием. Эти «обратные связи» концептуализировались самым разным образом. Одним из новых перспективных способов их концептуализации является концепт аутопейзиса. В том контексте, в той эпистемологической ситуации, которую собирается рассматривать докладчик, концепт аутопейзиса очень даже применим. Проблематику, которая будет обсуждаться, можно обозначить так: аутопейзис отношений между людьми и «ожившими вещами». Это очень ёмкая и весомая формула — в ней заключен смысл, весьма важный для антропологии. Она указывает на то, что взаимодействия развертываются самопрограммирующимся, самоорганизующимся образом. Этот смысл входит в концепт аутопейзиса. На начальных стадиях развития проблематики отношений «человек-техника» обратные связи мыслились в традиционных простых социологизированных отношениях господства: человек создал технику, а потом оказался ее рабом. Эти отношения в концепте аутопейзиса — качественно иной этап понимания взаимодействий и связей. Конечно, дискурс власти, господства и подчинения здесь тоже возникает, но им дело уже не исчерпывается. В системе этих взаимосвязей существует некая их завязанность и переплетенность, а потому дискурс самоорганизации, аутопейзиса здесь оказывается более эффективным.

Для нас это существенно еще в одном аспекте. Взаимодействия, в которые вовлекается человек, и антропологические эффекты этих процессов носят явно синтетический характер. То, что происходит с человеком в аутопейзисе, служит основанием уже самых разных дискурсов, и о прежней дисциплинарной сетке мы

тут говорить не можем. Очевидно, что речь идет об основаниях междисциплинарности. Больше того, тут налицо и эффекты трансдисциплинарности. Таким образом, феномен аутопоейзиса явно подводит нас к проблематике формирования новой эпистемы для всего сообщества гуманитарных дискурсов. Синергичная антропология также выходит к этой проблематике, но со своей стороны — антропологической. Антропология становится общим эпистемологическим знаменателем всех гуманитарных дискурсов, начинает выступать как наука «наук о человеке». Мне представляется, что в таком аутопоейтическом понимании взаимодействия человека с «ожившими вещами», именно антропология может нести эпистемостроительную функцию. Для нашего семинара в перспективе важен этот аспект выхода к новой эпистеме.

Далее передаю слово докладчику. Прошу Вас, Евгений Николаевич.

Ивахненко Е.Н.: Прежде всего, спасибо, что нашли время и пришли на семинар. В одном названии моего доклада много терминов, которые нужно специально объяснять. Я построю свое выступление таким образом. У меня есть презентация, но она только расставляет определенные метки. Есть какие-то записи, есть текст вступительного доклада, разосланный перед семинаром, но он является только частью концептуальной цепи, которую я хотел предложить. По ходу доклада я буду иногда обращаться к разосланному тексту и что-то читать, потому что я лучше не скажу, чем когда-то записал. А в некоторых случаях потребуется что-то более подробно растолковать.

Итак, доклад положен в методологическое русло поворота к материальному. Термины «объект-центричная социология» и «постсоциальные исследования» здесь очень важны. По ходу изложения названным понятиям и другим терминам, таким как «общество знания», «аутопоейзис», «эпистемические вещи» или «эпистемические объекты», я также постараюсь дать вразумительное толкование. Точных определений этим понятиям вряд ли можно дать. Предлагаемый анализ, с одной стороны, примыкает к современным постсоциальным исследованиям, и здесь я изложу две школы — парижскую и ланкастерскую. С другой стороны, в него включается тема «аутопоейзиса», которая тоже имеет своих гуру, своих авторов. Но сопоставление одной темы с другой я уже рассматриваю как свою авторскую находку. Вчера я слушал лекцию Симона Эльевича Шноля, где он рассказывал о том, что и к чему приложили Крик и Уотсон, чтобы получить Нобелевскую премию. Мой случай, конечно, не тот, но часто бывает так, что при совмещении определенных тем, мы получаем результат. И я надеюсь его получить.

Речь пойдет об особых объектах — и тут я солидарен с тем, как это осмыслил Сергей Сергеевич [Хоружий]. Но я хотел бы принципиально уйти от языка, которым передавалась основная идея доклада, и перейти на язык объект-центричности, он позволит нам избавиться от прежних мыслительных схем. Термин «обратная связь» — часть старой мыслительной схемы времен первой кибернетики. От этого термина я хочу уйти. Я буду говорить об особых объектах, которые проявляют: (1) способность к собственному росту, (2) потребляют социальное, и (3) не прогнозируемо, спонтанно порождают новые его формы. По сути, мы имеем дело с непрогнозируемым ростом рисков, порожденных расширением влияния на человека подобных объектов и усилением продуцируемых ими десоциализирующих сил.

Доклад будет состоять из двух основных частей. Первая посвящена новой концептуализации вещи, а вторая часть — аутопоейзису эпистемической вещи. Понятно, что логика изложения кое-где будет прерываться, но я попытаюсь скрепить ее тремя тезисами.

Часть I. Концептуализация вещи

Первый тезис выдвигается из пространства современной теоретической социологии. Он звучит так: В условиях индивидуализации общества, его усложнения, разрывов его традиционно целостных идентичностей - «Я» (индивидуализация) и сообщество (“community”) «компенсируют разрывы», обретая идентичность за счет образования нового объект-центричного окружения, которое можно рассматривать как определенные культуры. «Культуры» — почти в биологическом смысле, когда мы говорим, что «культуры высаживают», — то есть вот в таком значении.

Итак, *новая концептуализация вещи*. То, что можно назвать поворотом к материальному, в современной социологии часто называют «новой концептуализацией», где вещь больше не поглощается действиями людей, но скрепляет и направляет их. Вещь возвращается в социологическую теорию в образе техники, коммуникативных технологий, и вокруг вещей создаются определенные *культуры знания*. Это понятие связывается с понятием «*объектуализации*»; оно означает, что вещи могут сменять людей в роли посредников и партнеров по взаимодействию. Пояснения я сейчас давать не буду, дальше возвращусь к этой мысли.

Сам термин «постсоциальный» или «постсоциальное исследование» служит обозначением для расширения спектра культурных форм, выходящих за пределы традиционных определений социального порядка и социальности. Я бы хотел обратить внимание на то, что термин «*социальность*» употребляется почти реактивно. Это весьма невнятное понятие, скрывающее в себе концептуальные схемы, которых может быть очень много. Но в первом приближении социальность обычно определяется через групповое образование, через социальную связь, взаимодействие и некую рефлексивность их отношений. Примерно так, как Дюркгейм завещал: социальное объяснять через социальное, — то есть через групповые, коллективные, традиционные связи и отношения. Индивидуализация («Я») поддерживается коллективностью и традицией.

Как в рамках такой *традиционной социальности* рассматривается вещь? Вещь здесь, как правило, товар или инструмент, то есть предмет отчуждения от человека или человека от вещи, или фетишизированная сущность, в которой передаются человеческие качества, а вернее, в которой только *подразумеваются человеческие качества*. По большому счету, смотря на вещь через оптику традиционной социальности, мы ничего из нее не можем взять, кроме того, что мы в нее заложили, или того, что мы находим у самих себя. Мы не можем взять из вещи больше того, что мы о ней знаем. Также можно говорить о вещи, что она, например, опредмечивается или распредмечивается в «предметно-преобразующей деятельности», если использовать язык «Введения в политэкономия» 1957 года К.Маркса. Тут можно указывать и на Маркса, и на Э.В. Ильенкова, и на других. Иными словами, есть такая позиция, такой взгляд на вещи, так вещь представляется в традиционной социальности.

Теперь перейдем к толкованию понятия «общество знания». *Общество знания* — это общество позднего модерна, которому свойственно взаимопроникновение, *креолизация* (то есть некое привлечение, соединение чего-то неоднородного, в противоположность гомогенизации как усреднению) социального с «другими» объектами, или объектными культурами, или культурами знания. По большому счету, общества знания — это современные западные общества, в которых экспоненциально увеличивается количество *экспертных групп*. Об этом мы и будем говорить: об экспертных группах, экспертизе, о научном, социологическом и технологическом исследовании общества.

В обществе знания экспертные группы, во-первых, становятся многочисленными, а во-вторых, они включены в технологию выработки различных решений. Экспертные группы порождают *экспертные системы*, которые представлены не только коллективами

ученых, но и компьютерными программами, способными частично заменять специалиста-эксперта. Иными словами, в экспертной системе есть человеческая составляющая, а есть некие компьютеризированные технологии, моделирующие процесс решения проблемных ситуаций. В целом, в современных обществах происходит движение от экспертной группы к экспертной системе, которая превращается в «общественную экспертизу».

Общественная экспертиза по своему влиянию на общество и по характеру своего бытования не дополняет общество как таковое, а скорее, *заключает общество в себя*, особенно, если учитывать интенсивность процесса развертывания экспертных систем. Общественная экспертиза мотивирует решения власти, политиков. Именно в этом смысле экспертиза является «общественной», а не в смысле социологического опроса. Вообще-то решения предлагают специалисты, и их круг не так уж широк. Тем не менее, это некая изменчивая общность ученых, исследователей, которая работает в различных областях и над решением различных проблем. Но дело в том, что такого общества, которое раньше мыслилось как некая *ценностная целостность* (если трактовать общество в категориях Т.Парсонса), — его уже давно нет, ткань общества разорвана. И в этом смысле мы говорим о множественности идентичностей групп, коллективов, идентичностей «я». Современное общество больше не спланируется каким-то общим контекстом. Ну, какие идеи могут объединить всех? Тут у нас искали национальную идею, но какую искать? Русскую или не русскую? Какую еще? Это очень сложный вопрос. У нас уже нет фильмов, которые бы все любили, как, например, в Советском Союзе любили фильм «Чапаев». Сегодня кинорежиссеры говорят о том, что невозможно снять фильм, который бы всех сплотил, на который, как говорится, «валил бы народ». Это очень важное наблюдение.

В этих условиях значение экспертизы, конечно же, возрастает. Увеличивается число авторских экспертных интерпретаций, технологических и информационных структур. Вокруг них складывается то, что мы называем «культурами знаний». Они вплетены в ткань общества и включают в себя различные практики, отношения, коммуникации, возникшие в ходе «добывания» самого знания, его «производства». На этом пункте я хотел бы немного остановиться. В современных обществах производство знания является условием выработки решений и одновременно условием существования самого общества. Знание вплетено в его ткань, и потому мы можем говорить, что это есть «знание общества». Общество, в известном смысле, находит себя *внутри* процесса познания, а не наоборот, то есть происходит некая инверсия, переход.

Как это может быть? Оказывается произошел не только разрыв ткани идентичности, но и наплыв объектных миров или культур знания, которых 25-30 лет назад не было в том виде, в каком мы находим их сейчас. Самое интересное, что двадцать пять лет назад никто не мог себе представить, что появятся культуры знаний, такие как, например, Интернет, масс-медиа, мобильная связь. В отличие от этих направлений, робототехника относится к традиционному руслу развития, как здесь уже было сказано. Или, например, возьмем фондовый рынок. Возможно, экономисты говорили о том, что он будет развиваться, но пути развития всех этих объектов, что называется, неисповедимы. Это очень важный момент. Именно эти объекты «поддавливают» экспертные группы и задают их пролиферацию, умножение. Значение пролиферации (в фейерабендовском смысле) это не просто умножение количества, а «нарастание здоровой ткани». Когда я говорил о «социальной ткани общества», то это как раз и есть замещение разрывов объектными мирами.

Теперь постараемся выстроить некую рефлексивную, и от моих крайне фрагментарных суждений перейдем к истории социологии всего в двух вопросах: как в социологии рассматривались вещи? И как представлялась вещь в отношении к экспертным системам? Здесь выделяются два этапа.

Первый этап — «вещь в социологии». Здесь можно указать на работы Г. Зиммеля «Ручка», «Рама картины». Этот этап связан с авторскими экспертными интерпретациями, когда группа специалистов изучает социальный объект, предписывает те или иные конкретные действия для устойчивого, предсказуемого и инструментального участия человека в социальной деятельности. Например, плуг, двигатель внутреннего сгорания, автомобиль. Здесь инструментальная ангажированность налицо: объекты призваны служить человеку в известных ему свойствах. Предписания оформляются экспертами или специалистами, извлекающими рациональное действие из знаний, которыми они располагают и которые разделяет социум. Цели, преследуемые экспертом на первом этапе, прямо или косвенно устанавливаются заказчиком экспертизы. Например, изучается, как установка нового оборудования в цехе повлияла на коммуникацию работников. Это типичное исследование в западной социологии, очень популярное в 30-40-е годы XX в. Что нужно сделать? — Покрасить стены, оформить комнату отдыха, еще что-то сделать. Или решается вопрос, какие коррективы со стороны администрации необходимо внести для улучшения производственного климата?

И дело тут не в доброй или злой воле конкретного заказчика, а в том, что траектория развития социального объекта предписывается и направляется *извне*, из знания замысла эксперта, так определяется «функциональность объекта». На этом этапе те или иные интересы, цели групп населения преобразуются экспертами-профессионалами в набор инструментов влияния на объект или на корректировку социальных групп. Объект в глазах эксперта — это «прочитанная книга», иногда внимательно, иногда не очень, но это всегда конечный набор свойств и функций. И если она прочитана невнимательно, то можно вернуться, найти нужные страницы или строки и что-то уточнить.

В отношении эксперта к объекту экспертизы продолжает работать принцип отчуждения в марксово-гегелевском смысле. Знание само по себе сохраняет ауру чужеродности. Это очень важная позиция. Тема отчуждения известна, она хорошо прописана в работах К. Маркса, Э.В. Ильенкова, других. Здесь речь идет о присвоении знаний человеком, а присвоить можно только то, что не было твоим, но было кем-то создано для присвоения другими. Например, школьные знания, начальные, инструментальные знания, любой инструктаж, — все они предполагают определенный набор каких-то маркеров, некую подручную карту значений для того, чтобы двигаться по объекту. На нечто подобное указывал Хайдеггер в своей работе «Вещь». Хайдеггер различал и рассматривал послушные, прозрачные, выверенные человеком вещи, которые определялись им как *оснастка*, «цойг» (*Zeug*). Через них осуществляется наше инструментальное пребывание в мире. Оснастка требует от человека заботы и опеки.

Второй этап — «социология вещей». Вещи, как это выясняется, способны давать «отпор» — это термин Брюно Латура, одна из его статей так и называется «Когда вещи дают отпор». — Чему? — Инструменталистским намерениям человека, якобы знающего эти вещи. И вот Латур пишет, я цитирую: «Знание, мораль, профессиональное мастерство, принуждение, общительность являются качествами не людей [самих по себе — *Е.И.*], но людей, сопровождаемых целой свитой делегированных персонажей. Поскольку каждый из этих делегатов формирует связность какой-то части нашего социального мира, это означает, что изучение социальных отношений невозможно, если не принимать во внимание не-человеков. <...> к обычным людям надо добавить теперь живой, очаровательный, благородный... обычный механизм»¹.

Я процитировал статью Латура «Где недостающая масса? Социология одной двери». Там, напомню, речь идет о записке, которую автор статьи обнаружил на двери Палаты кож в парке Ля Виллетт, на окраине Парижа: «Доводчик бастует, ради Бога,

¹ Латур Брюно. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. Сб. статей. Под ред. В.Вахштайна. М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2006. С. 221.

закрывают двери». Эта записка становится поводом осмысления того, как это приспособление — дверной доводчик — собственно выполняет человеческие функции по открытию и закрытию двери, замещает человека, сам становится персонажем. Латур описывает это очень остроумно. Если сравнить его статью со статьей Г. Зиммеля «Ручка», то мы ясно увидим: произошел фазовый переход от «вещи в социологии» к «социологии вещей».

В отличие от классической социологии в контексте «социологии вещей» объекты принципиально не прочитываемы. Они безостановочно генерируют, взрываются, мутируют, надстраивают новые этажи сложности. В конечном счете речь идет о непоколебимой нормативности человека, которая существенно дезавуируется. Дезавуируется вещь в хайдеггеровском смысле, в смысле «цойг», в смысле вещь как оснастка². По Хайдеггеру, только такая вещь и достойна быть, бытийствовать, она впереди всяких практических и рациональных, теоретических рассуждений о ней. Конечно, Хайдеггер строил свои размышления в направлении поиска подлинности вещи. Это не то же самое, что оснастка, но он хорошо все эти различия маркировал. Об этом говорят и представители постсоциальных исследований. Я вернусь к Хайдеггеру еще в одном месте: при обсуждении проблемы подлинности, — чтобы показать, что жажда подлинности, когда мы ведем речь об аутопоейзисе, бесперспективна.

Хоружий С.С.: По-моему, Т. Адорно и критиковал Хайдеггера именно за этот мотив. Стремление к подлинности на поверку оборачивается китчем.

Ивахненко Е.Н.: Да, это фантазийное свойство, которое эксплуатирует желание человека вернуться к «самому себе на самом деле», у меня есть для него свое название. Но я сейчас не даю оценку Хайдеггеру, а пытаюсь войти в тему, используя некоторые его различия. И я утверждаю: сопротивление непоколебимой нормативной привилегии человека возможно только тогда, когда культуры знания строятся вокруг объектных миров. Или иначе: когда «я» или индивидуальность *объектуализируется*. Но здесь есть тонкий момент. Кто хорошо знаком с марксизмом может сказать: «А что здесь нового? Да, объектуализируется. И Маркс писал об этом — изменяя мир, человек меняет самого себя». Этот тезис лежит в основе теории деятельности в интерпретации Ильенкова, или психологов. Получается, вроде, что никакой другой логики нет. Тут можно спорить сколько угодно, но я сейчас хочу этот вопрос «подвесить» и пока оставить, так как хочу увести слушателей в другую сторону.

Как выстраивается объектуализация как концепция социальности? Поскольку взаимодействие с подобными объектами развивается, оно неизбежно ведет к расширению социологического воображения и словаря. Чтобы передать это, нужно отказаться от прежних слов и словосочетаний. Конечно, тут дело не только в словах, но как только мы задействуем прежний набор слов, то попадаем в старые мыслительные схемы. Если мы будем читать Дж. Спенсера-Брауна или Н. Лумана, опираясь на старые мыслительные схемы, то не сможем понять, о чем там написано. Тот, кто не поменял свой словарь, обязательно с этим столкнется. Я продолжаю наставлять на новом словаре, и подчеркиваю, что в новом контексте вещь выступает именно как «*эпистемическая вещь*». Впервые этот термин предложил Х.-И. Райнбергер³ для обозначения разворачивающейся структуры, нетождественной самой себе. Этот термин позволил провести важное различие с технологическими объектами. Что такое «эпистемические вещи»? Я обозначил их как «обезличенные системы», но вовсе не потому, что у них «нет лица». «Обезличенность» означает, что такую систему нельзя привести к одному сознанию, или к выражению сути

² Хайдеггер М. *Время и бытие*// *Время и бытие: статьи и выступления*: Пер. нем. –М.: Республика, 1993. С.391-406.

³ Rheinberger H.-J. *Experiment, Difference, and Writing: I. Tracing Protein Synthesis*// *Studies in the History and Philosophy of Science*. 1992. Vol. 23. № 2. P. 305-331.

сознания группы людей в каком-то манифесте, программе. Это некие коммуникативные технологии, которые ведут себя как самореализующиеся структуры знания, прежде всего.

Хоружий С.С.: Не очень удачный термин. С введением термина «обезличенность» линия коннотации сразу идет совсем в другую сторону.

Ивахненко Е.Н.: Да, это так, и поэтому я специально оговорил в каком смысле я этот термин употребляю.

Для технологических вещей — инструментов, товаров — их статус определяется наличием фиксированных, стабильных свойств, поскольку они должны служить потребителям. Райнбергер выделял этот признак. Инструментальная вещь или инструмент предполагает конечный набор функций, которыми его загодя наделил субъект как потенциальный распорядитель вещи.

У эпистемических вещей статус иной. В своей статье Карин Кнорр-Цетина, профессор Университета Констанц в Южной Германии и последователь парижской школы постсоциальных исследований, предложила рассматривать эпистемический объект как объект знания, способный безгранично разворачивать свою структуру, взрываться и мутировать. Она пишет: «В нашей интерпретации объекты знания способны безгранично разворачивать свою сущность, и в этом смысле они прямо противоположны чистым инструментам и коммерческим товарам. Инструменты и товары по сути своей напоминают закрытые ящики стола — конкретного размера с четко очерченными углами, — в то время как объекты знания скорее подобны выдвинутым ящикам, заполненным папками, ряды которых теряются в темноте отведенного им пространства стола»⁴.

Вот одна из метафор, предложенная Кнорр-Цетиной. Хотя мне представляется, что в темноте теряется и сам стол, а конца там нет и быть не может. Мы поймем это, когда обратимся во второй части доклада к идеям Спенсера-Брауна.

И далее Кнорр-Цетина пишет: «...определяющей характеристикой данного типа объекта [эпистемического — *Е.И.*] является именно эта недостаточность “объективности” и завершенности существования, нетождественность самому себе. Поскольку процесс материализации объектов знания непрерывен, эти объекты постоянно приобретают новые качества и изменяют уже имеющиеся»⁵. Я вернусь к этим свойствам эпистемических вещей, к их сопоставлениям, но после обоснования следующего тезиса.

Мы рассмотрели новую концептуализацию вещи в интерпретациях Латура и Кнорр-Цетиной, которые традиционно относятся к парижской школе. Концепция интеробъективности или акторно-сетевая теория принадлежат Латуре, Кнорр-Цетина использует понятие «объект-центричная социальность». Есть еще ланкастерская школа. Сейчас я о ней не упоминаю, хотя она достаточно интересная; там фигурирует термин «объектные пространства».

Тезис второй звучит так: водораздел между инструментами, отчужденными объектами, фетишизированными товарами и эпистемическими вещами может определяться по фактору наличия / отсутствия в них аутопоейзиса.

Тут я перехожу ко второй части.

II. Аутопоейзис эпистемических вещей»

Как его можно образно выразить? Это рассказ о том, как вещи стали свободными. Или как они сошли с ума, а точнее: «как они отпадают от нашего ума».

⁴ Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. Сб. статей. Под ред. В.Вахштайна. М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2006. С. 318.

⁵ Там же.

Прежде всего, о самом понятии «аутопоейзис». Впервые в России дискуссия на эту тему появилась в 2008 году на страницах журналов «Вопросы философии» и «Эпистимиология и философия науки».

Сам греческий термин аутопоейзис означает самостроительство, самопроизводство, воссоздание себя через себя самого. Можно предположить, как осуществляется запуск аутопоейзиса. Например, деньги. Вначале деньги выступают как средство обмена. Когда мы находим клад, то вряд ли это те деньги, которые были элементом аутопоейзиса. Это просто рубленые кусочки серебра, выражение стоимости. Потом создается финансово-экономический механизм, а потом — это фондовый рынок. Но фондовый рынок — это не совсем деньги, это торговля акциями и фондами, которые становятся больше, чем производство.

Кризис производства наступает не по законам, которые описывал Маркс в середине XIX века, а возникает там, где существует кредитная политика. Возникает турбулентность движения капитала. Это особенно хорошо видно на примере деятельности «Форекс Трейдинг», занимающейся торговлей акциями, работой на повышение и понижение курса акций. Что это за объекты? И что это за процессы? Ответить на этот вопрос более-менее вразумительно сейчас не могут ни Бен Бернанке — нынешний глава Федеральной резервной системы, ни Алан Гринспен, бывший до него на этой должности. Финансовый кризис — это столкновение с аутопоейтическим процессом, который приобрел глобальный масштаб и риски которого реально проявились в мировой экономике. Это феномен финансового аутопоейзиса, который мы уже чувствуем на себе. Он не где-то там, не в какой-то абстрактной области, о которой мы можем поговорить. Он уже вошел в нашу жизнь самым непосредственным образом.

Хоружий С.С.: Евгений Николаевич, это живой пример того, как вы работаете с основным концептом. Хотелось бы чуточку подробнее услышать о сути процессуального механизма. Вы перечислили концептуальные компоненты, которые вовлечены в процесс. А сама процессуальность какова? Что происходит? Само процессуальное аутопоейтическое ядро где и каково оно? На пальцах можно объяснить?

Ивахненко Е.Н.: Вот, что я имею в виду. Изменение сложности объекта — это первое условие, которое становится принципиально важным. В простом объекте не может быть запущен процесс надстраивания уровней. Но в процессуальности есть еще один важный момент. Это объекты, которые не начинают работать сами по себе, а потребляют человеческое или социальное в качестве одной из подпиток. Но, строго говоря, в нем нет иерархического верха. То есть, нет того, что определяет этот объект? Это ни техника, ни технология, а что? Луман писал об этом еще в доинтернетовскую эпоху. Кстати, он один из первых писал о том, как финансы «впали в аутопоейзис». Такая сложность и ее наращивание предполагает развитие, в котором возникает набор достаточных для запуска аутопоейтического процесса условий. И в этот набор всегда вливается собственно человеческое. Но не на правах управления или управляющего уровня.

Хоружий С.С.: Достаточно условий для чего? Для нарастания аутопоейтических уровней?

Ивахненко Е.Н.: Трудно сказать. Можно представить так: никакой финансовой турбулентности не может быть, если банкиры перестанут нажимать на клавиши своих компьютеров. Не будет ничего. Поэтому понятно, что этот процесс имеет человеческую «подпитку». Но при этом говорить, что есть какая-то олигархическая группа, которая выступает кукловодом, тоже нельзя. Этого нет. Отчасти они также являются жертвами этого процесса. Александр Юрьевич Антоновский, переводчик Лумана, в какой-то из дискуссий хорошо сказал, что аутопоейзис не наблюдается, а *процессуруется*, то есть процесс идет впереди наблюдателя. Когда мы имеем дело с такого рода объектами, то все равно рассматриваем антропологические или аксиологические риски, при этом

принципиально важной становится фигура наблюдателя. Как в одной из дискуссий в журнале «Вопросы философии», посвященной концепции аутопоейзиса Владислав Александрович Лекторский спрашивал: «А куда у вас исчез субъект в таком процессе?». Мы к этому вопросу еще вернемся.

Я сейчас назову одно важное имя, которое часто упоминается походя. О нем также обычно говорят в связи с радикальным конструктивизмом. Это ныне живущий математик, 1923 года рождения Джон Спенсер-Браун. Он известен как автор книги «Законы формы» («Laws of Form»⁶). Перевода на русский язык этой книги я не видел, похоже, что его нет. Книга Спенсера-Брауна — это дальнейшее развитие концептуальной основы аутопоейзиса. В концепции Спенсера-Брауна фундаментальной операцией является *различение*. «Объект» и «субъект» упраздняются, но вводится понятие «наблюдатель», который есть лишь *способность производить различение*. И благодаря различению реальность преобразуется в действительность нашего восприятия. Начальное состояние Браун обозначает как «ничто». Различение происходит в самом «ничто». Но мы различаем только то, на чем поставлена метка. Сам же инструмент формы — это «слепое пятно», которое ускользает от наблюдения. Все, что не имеет метки, сознанием игнорируется, и его в сознании не существует. То, что мы называем «смыслом», Браун называет «спонтанным механизмом связи прошлых различений и настоящих, который выступает средством самоконструирования структур чего-либо». Я сейчас дам некоторое пояснение. «Онтологически системы никаких структур не имеют и смысла в самом себе, а представляют лишь последовательность вспыхивающих и тут же угасающих событий». Эти же идеи есть и у Лумана, у Вареллы и Матураны.

Хоружий С.С.: В современной парадигме это анти-эссенциалистский словарь.

Ивахненко Е.Н.: Да, верно. Этот самоотбор элементов в ходе самоконструирования впоследствии и был назван аутопоейзисом. Но тут есть один момент.

Вопрос из зала: Будущее значение есть какое-то?

Ивахненко Е.Н.: Нет. О будущем я скажу. Нет, это спонтанный механизм связей прошлых различений и настоящих. Сейчас я как раз хотел это прокомментировать. Для того чтобы быть понятыми, предшествующие цепочки различений должны быть релевантными последующим. Они не должны быть одними и теми же, но в своих основных частях должны сохранять релевантность. Причем эти цепочки вовсе не должны быть вписаны в онтологию. Например, логика Аристотеля не вписана в саму природу. Это хорошо показали представители логического позитивизма. Что известно всем, то известно каждому, но того, что известно всем, в природе нет.

Что предлагает Браун? В седьмой части его книги есть интересное описание, что такое сложность. Иными словами, Браун описывает, как выглядит одни и тот же объект с разных точек наблюдения, как в зависимости от точки наблюдения различаются его комплектации. Таким образом, стоит только провести хотя бы одно различение, например, между нулем и единицей, как из него неизбежно следуют все законы, принципы физики, математики и биологии. Акты нашего мышления продуцируют смысл, создавая его из бесконечного океана сигналов гомогенной реальности. (Браун разводил понятия «действительность» и «реальность».) То есть, океан сигналов — это «серый шум», в котором мы проводим различение. И проведение этих различений онтологически не предписано. Формула «проведи различение» работает как мотор, позволяющий запустить конструирование смысла теории чего угодно. Важна когерентность различений. Сообщество определяет фактором когерентности, наложения волн, интерференции.

⁶ Spencer-Brown George. Laws of Form. (1969). New Edition. — New York, 1979

Я возьму одну фазу из книги Брауна «Законы формы» для того, чтобы кое-что прокомментировать, почему в теме аутопоезиса надо пропедалировать именно эту деталь:

«Мы можем принять, что мир, без сомнения, есть сам в себе самом [то есть не разделен с самим собой — *Е.И.*], но в любой попытке увидеть самого себя как объект он должен, без сомнения, действовать так, чтобы отделиться от самого себя и потому стать ложным по отношению к самому себе. *В этих условиях он всегда будет частично ускользать от самого себя* [курсив мой — *Е.И.*]. Так и с каждым из нас. В этом смысле по отношению к своей собственной информации, вселенная должна пытаться избежать телескопов, через которые мы, ее часть, пытаемся найти ее такой, какая она есть для нас».

Надо сказать, что после первого прочтения, эта фраза вначале меня обескуражила своей бессмысленностью, после второго — сложностью и запутанностью. Но теперь я рассматриваю ее как формулу, позволяющую понять нам нечто важное в определении смысла, которым мы располагаем, — смысла как такового, как того, что мы вообще относим к этому кластеру.

Какие эпистемологические следствия выводятся из концепции Спесера-Брауна? Их два, основных. Первый касается эпистемологии индивидуального восприятия. Это психология и биология познания, новые представления об организме, органах, клетках. Сюда же относится концепция аутопоейтической машины Матураны и Варелы в отличие от аллопоейтической машины. Аутопоейтическая машина — это само строящийся автомат. Он не производит одни и те же действия, а в процессе производства чего-то надстраивает свои собственные уровни сложности. Аллопоейтическая же машина — это когда одни станки производят нечто другое, отличное от себя. В этом контексте по-иному интерпретируется и акт познания. В частности, Матурана совершенно определенно считал, что растения тоже «познают». Поскольку исходным является акт различения, а растения реагируют на факторы окружающей среды, значит их «различают», то, следовательно, и растение «познает». В своих работах Матурана так и пишет «знание растений», что в нашей прежней семантике звучит бессмысленно.

Второй вывод касается социо-эпистемологии. Это, например, работы Лумана. Это концепция коммуникации как задействование языковых инструментов при конструировании реальности, исследование медиа-коммуникации, аутопоезиса коммуникации.

В рамках постсоциальных исследований интересно описываются такие объекты как рынки. Кнорр-Цетина и Урс Брюггер пишут, что «рынок ведет себя как живой организм, как будто он обладает “собственной волей”, переменчивым независимым характером»; что «вовлеченные в его работу трейдеры, никак не могут прочесть рынок полностью, а только в виде отдельных блоков».

Хоружий С.С.: Объясните, пожалуйста, чем оправдывается то, что эти формулы — не чистая метафора? Можно посмотреть на любой естественный, натуральный процесс и его вот таким эмоциональным языком описать. В художественной литературе именно так и делают. Описывается течение реки, при этом говорится, что река обладает «своей собственной волей, переменчивым и независимым характером». Где здесь оправдание того, что в данном случае это не метафора?

Ивахненко Е.Н.: Конечно, можно таким образом говорить о чем угодно, например о своей машине. Она плохо заводится, а я с ней поговорил ласково, и она завелась. Это такая упрощенная конструкция, которая демонстрирует перенос собственно человеческих чувств, свойств и ожиданий на объект. Это перенос первого порядка. В данном же случае к рынку не присматриваются как к реке, а от рынка страдают и испытывают большие сложности взаимодействия с ним. Экспертные группы вырабатывают стратегии и тактики,

которые никак не могут быть построены на конечном знании объекта. Это целая проблема.

Хоружий С.С.: То есть эта формула включает в себя уже и реакцию человека? Имеется в виду и вторая сторона, с которой взаимодействуют?

Ивахненко Е.Н.: Да, это та нарождающаяся социология объект-центричности, которая уже пытается описывать такие объекты, попадая, конечно, в то семантическое поле, о котором вы говорите. Скажем, «Рынок как объект привязанности», — так называется статья Кнорр-Цетиной и Урса Брюггера. В этой статье описывается работа трейдеров, которые торгуют валютой. Примерно 3-4 центра по миру. В этих центрах есть сильные трейдеры, есть послабее. Но что любопытно: складывающийся в процессе общения словарь участников этого процесса таков, что объектам они начинают приписывать человеческие отношения. Авторы приводят результаты опроса трейдеров, когда их просят ответить на вопрос: «Рынок это что?». Они отвечают примерно так: «рынок – это все», «я его сделал». То есть там происходит нечто такое, что можно увидеть только в оптике наделения этого неживого объекта человеческими свойствами.

Хоружий С.С.: Иными словами, это произвольное применение художественного метафорического дискурса. Или все-таки есть какие-то реальные предикаты?

Ивахненко Е.Н.: Я попытаюсь далее ответить на этот вопрос, перейдя к сопоставлению инструментальных и эпистемических объектов. Но прежде скажу еще несколько слов о рынке, частично отвечая на ваш вопрос.

В современном виде мировой фондовый рынок по своим признакам соответствует аутопойетическому объекту. Он продуцирует новые риски, переводя в режим кризисного существования финансовые институции, органы власти, бизнес, отельных граждан, социальный порядок в целом. То есть это уже не игра в метафоры, а сама жизнь.

Экономические системы являются сложными, адаптивными и нелинейными, самоорганизующимися системами. Такие системы нельзя исследовать методами традиционной «линейной» социологии с помощью моделей, основанных на идеях равновесия, детерминизма, редукционизма и т.д. Эти модели и инструменты не позволяют «ухватить» их основополагающие свойства, эти свойства попросту «исчезают». Если мы исследуем эпистемические объекты с позиции поиска управляющего уровня по отношению к ним, то мы его не найдем, система нам ничего не ответит. Новая же постановка вопроса позволяет открыть некоторые их свойства.

Данный доклад можно рассматривать как часть более широкой программы преодоления классических представлений о поведении социальных объектов, которые прошли точку самозапуска аутопойезиса и делят себя во времени как объекты «эпистемические». Словом, для нас наибольший интерес представляет не столько то, *как* люди, руководствуясь своими рациональными представлениями, осуществляют инструментальную деятельность при помощи вещей, а то, как осуществляется *имплозия аутопойезиса объект-центричных культур*, родившихся в обособившейся («ожившей») целостности, где люди и вещи оказались в одном смысловом кластере различений (в смысле логики Спенсера-Брауна).

Обозначенная трансформация не открывается сразу, а порожденные ею формы социальности еще не выражены явно и зачастую остаются в поле традиционных интерпретаций – как социально-групповое образование, хотя и новое. В этой связи уместно констатировать: там, где традиционно работала связка «человек – коллектив – человек», или «человек – общество», «комьюнити – человек», стала образовываться связка «человек – технологическое устройство» или «эпистемическая вещь – человек».

Но сама по себе констатация того, что первый тип связки уступает место второму, в условиях сохранения традиционной социологической интерпретации, мало что прибавляет пониманию изменившейся статуарности событий. Чаще всего видят подмену «истинных» (действительных) человеческих отношений симулякрами. В постмодернистских текстах мы найдем «впадение в царство симулякров», «утрату подлинности». Возникает «тоска по подлинности», алармическое философское настроение. И оно подвигает к поиску инстанции, скрывающейся за грамматической формой «Я». Вырабатываются техники соответствующих дискурсов, позволяющих всякий раз уточнять, кто говорит. Известный вопрос Хайдеггера: «Ты сам говоришь? Или *нечто* в тебе говорит?». Это нечто может интерпретироваться как либидо, анонимное бытие, символическое бытие или какая-то инстанция, присваивающая себе форму «Я».

Описывая аутопоейтический объект традиционным языком из словаря субъект-объектной социологии, мы обречены искать для них место в старых мыслительных схемах. Для релевантного их объяснения и понимания («чувствительности к ходу времени») необходимо расширение словаря объект-центричной социальности.

Приведу только несколько сопоставлений, которые выводят нас на признаки эпистемической вещи. С одной стороны, это инструментальное понимание вещи, а с другой — эпистемическое. Эти признаки представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Сопоставление инструментальных и эпистемических признаков понятия вещи

Объект - ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ	Объект - ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ
«Равен самому себе» - спрятанная, но полностью развернутая сущность («стол с закрытыми ящиками»)	«Не равен самому себе» - приобретает новые свойства и изменяет те, которые имел. («постоянно воспроизводящаяся незавершенность»)
Позиция <i>независимого наблюдателя</i> Определение управляющего уровня → <i>перехват управления</i>	Со-делание, «тонкая подстройка» - (<i>формула взаимного сотворения</i>)
Предполагается, что существует (потенциально) <i>единственно верное описание</i> , а все другие стоят ближе или дальше от него.	Объекты генерируют всевозможные знаки, репрезентации и выражаются через них → требование расширения социального воображения и словаря.
Антропоцентрические системы	Анонимные неживые системы со свойствами живого организма → <i>социальные риски</i>
Объекты наделяются человекоразмерностью, а их содержание и сущность усматривается в социальных отношениях.	Объектные отношения замещают социальные и участвуют в формировании: - эмоциональных миров; - коллективных договоренностей; - морального порядка.
Идентичность обретается исключительно в социальных отношениях	Диктуется необходимость определения идентичности (обретения своего «Я») совместимой с объект-центричностью

Таблицу я комментировать не буду, об этом я уже говорил. Сделаю еще несколько замечаний. Если раньше мы ставили вопросы: «как понимать процесс?», «как задать ему необходимое русло, которое бы нас устраивало?», — то в новой ситуации, в условиях незавершенности, мы, если говорить математически, входим в уравнение на правах переменной, а не на правах самой функции и управления этой функцией.

Хоружий С.С.: Очень существенный момент.

Ивахненко Е.Н.: В этой ситуации можно говорить о двух тактиках нашего действия. Иногда аутопоейзис заходит далеко (как в случае с финансовым кризисом), и

его губительные последствия и риски становятся значительными. И если в этой, условно говоря, игре мы начинаем ощущать неизбежность проигрыша при всех вариантах развития сценария, то уход от разрушительных волн аутопоейзиса может осуществляться путем усекновения его сложности. Эта тактика у нас часто именуется как «переход к ручному управлению». То есть кризис нужно где-то приостановить. Такая приостановка пролиферации новых свойств может иметь место.

Но есть и другой тип тактик: содействие с усложняющимся аутопоейзисом. Это возможно, но не в ситуации, когда риски становятся совершенно очевидными и губительными. Это игра на более высоком уровне, включение новых фигур — эксперта, менеджера, политика в поток нарастающей сложности. В западном обществе такая игра получается, похоже, лучше до определенного уровня. Эта стратегия предполагает безостановочное продуцирование механизма в тонкой подстройке. Это постоянное интеллектуальное бодрствование, отсутствие какой-то конечной единой схемы или формулы, которую мы могли бы заполучить, чтобы управлять. Этим и отличается общество знания: структура знания вводится в поведение и в логику управления.

Есть пример подобной стратегии — «концепция OODA (Observe - Orient - Decide - Act)» Джона Бойда⁷. Это концепция опережающего действия, применяемая в том числе и на фондовых рынках. Это очень важная позиция. Поскольку по отношению к аутопоейизирующему объекту не бывает одного отношения, всегда кто-то хочет от него выиграть больше, то в эту игру в принципе включаются все. Так вот, выигрывает тот, кто петлю Бойда «заворачивает» раньше. Кто этот цикл «наблюдение – ориентация – решение – действие» использует раньше. Никто не может знать процесс до конца, но всякий кто запаздывает, становится «ведомым».

И в заключение я хочу сформулировать свой третий тезис.

Третий тезис: эпистемические вещи представляют собой «оживший» мультипликатор знаний; генератор непрогнозируемого (спонтанного) роста новых социальных образований и спонтанных рисков. Это торжество контингентности (случайности) новообразований социальности и упадок ее искупительной предсказуемости.

Эпистемические вещи напоминают вторую волну включения человека в специфический естественный отбор. Конечно, не на уничтожение самого человека, хотя... как знать? Только теперь отбирает не дикая природа, а сложные артефакты или, если угодно, «ожившие», сошедшие с ума, получившие свободу или взбесившиеся вещи. От вещей и инструментов, приспособленных под человека, мы переходим к эпистемическим вещам, снова взявшимся изменить человека под себя. Отчасти, это так. Это все, что я хотел сказать.

Хоружий С.С.: Спасибо, Евгений Николаевич.

Обсуждение доклада

Хоружий С.С.: Мы переходим к обсуждению. Будут вопросы из аудитории, но для начала я задам ряд вопросов, на которые мне, как математику по происхождению, хотелось бы получить ответы. Когда я выслушивал ваши примеры, то мне не хватало в них несколько *большой* прозрачности и отчетливости очерчивания ситуации. Хотелось,

⁷ Джон (Ричард) Бойд (1927-1997) — полковник, военный летчик ВВС США. Уволившись с военной службы в 1975 г. работал консультантом в управлении заместителя министра обороны США в отделе системного анализа. Ему приписывают разработку стратегии военных действий в Ираке во время первой войны в заливе. Известен как создатель концепции OODA (Observe, наблюдай – Orient, ориентируйся – Decide, решай – Act, действуй). Хотя петля Бойда изначально родилась для военных применений, в последствии эта модель с успехом начала применяться для моделирования деятельности и принятия решений в бизнесе, политике и социологии.

чтобы тип этих объектов был определен, и далее более четко определены процессы, происходящие с ними. Основная нацеленность доклада была в демонстрации аутопоейтического характера этих процессов. Тем не менее для моего восприятия какие-то существенные звенья были недоговорены. Мне немножко не хватало доказательности и отчетливости в рассмотрении самого процесса. Получилось, что эта пресловутая аутопоейтичность появляется как Бог из машины. Ситуацию очертили, она аутопоейтична. А почему? Хотелось, чтобы сам аутопоейтический механизм был явлен, продемонстрирован. Почему в описанной ситуации происходит именно аутопоейзис?

Ивахненко Е.Н.: Я попытался это раскрыть на примере финансового рынка. Можно взять другие примеры, скажем, аутопоейзис Интернет-комьюнити.

Хоружий С.С.: Хотелось бы ощутить, что такое аутопоейзис, как говорится, «на кончиках пальцев».

Ивахненко Е.Н.: Показать механизм аутопоейзиса как в часах, может, и не удастся, но кое-что сказать можно. Раньше, когда мир был как большие часы, в научном познании мир описывался с помощью механистической модели. Эта модель близка к классическому пониманию в социологии. Согласно этому представлению, отношения объектов и людей в принципе познаваемы. При этом предполагалось, что есть единственное правильное знание о них, а все остальное, так или иначе, в ходе обсуждения все больше и больше проясняется. Это первая позиция. Теперь, что происходит, когда мы сталкиваемся с эпистемическими объектами? Мы отдаем себе отчет в двух вещах. Первое, о чем я уже говорил, что эти объекты в принципе демонстрируют свою собственную незаконченность, они постоянно мутируют. Включение человека еще более усложняет их взаимодействие и усиливает непрозрачность этого процесса. Но есть еще один момент. Если бы этот объект как бы «знал» о себе всё, то и при этих обстоятельствах он не знал бы своего будущего, в какой-то более-менее обозримой перспективе. Это очень важно, как мне кажется, для уяснения природы эпистемических объектов. В частности, Интернет и Интернет-комьюнити — это такая социальная связка технологии и организации людей, которая демонстрирует нечто подобное. Пролиферация новых форм, порождаемых этим объектом, в принципе непредсказуема. И в этом состоит торжество контингентности, то есть случайности.

Хоружий С.С.: То, что вы говорите, важное и полезное дополнение к описанию свойств эпистемического объекта. Но вопрос мой относился немножко к другому — к слову «аутопоейзис».

Ивахненко Е.Н.: Механизм аутопоейзиса можно сравнить с описанием процесса сборки молекулы ДНК. Хотя механизм репликации и редупликации молекулы ДНК описан, но ее сборка вряд ли когда-либо поддается науке и воспроизводству. Эта сборка сначала чего-то на микроуровне в последующем демонстрирует возможность порождения макрообъектов. Трудно сказать, с каким механизмом мы столкнулись. Еще один эпистемический объект, о котором мы не говорили и который выражен менее материально, это язык и тексты. На этот объект обращает внимание Луман. Он обнаруживает аутопоейзис на самых ранних этапах развития языка. В последующем аутопоейзис принимает все более сложные формы, и эту его механику Луман демонстрирует. Скажем, книгопечатание само по себе он не рассматривает как аутопоейзис, но он считает, что все либеральные формы на Западе были порождены доступностью текстов и последующим типом коммуникации. Но Луман жил в определенную эпоху. Вот еще один пример.

Хоружий С.С.: Согласен, действительно, на некоторых иллюстрациях мы интуитивно понимаем, где есть этот аутопоейтический механизм. Но я все-таки хотел бы не размножения примеров, а большей отчетливости в их описании. Например, в исходном финансовом примере.

Ивахненко Е.Н.: Давайте попробуем.

Хоружий С.С.: Давайте укажем, ткнем пальцем, где здесь именно аутопоейтическая процессуальность? Где ключевое событие запуска аутопоейзиса? Это деньги? Этот класс объектов?

Ивахненко Е.Н.: Возьмем XX век, поскольку в XIX веке финансовый процесс еще был относительно просчитываемым. А вот, XX век, первый кризис 30-х годов, первая депрессия. Ее в основном связывают с перепроизводством. Это некая оценка или взгляд, брошенный еще из классической ситуации, из классической схемы. Тогда при столкновении с этой новой сложностью было два выхода: то ли перейти к плановому хозяйству, то ли еще к чему-то. Это была реакция на первый всплеск порожденной системы, которая до определенного момента еще незаметна, и потому на нее продолжают смотреть через прежние когнитивные оптики. В чем заключается аутопоейтичность этой системы? Творцы, или кукловоды, или те, кто вроде бы призван управлять этим процессом, неожиданно утрачивают возможность полноты управления. Это первый признак проявления аутопоейтической системы. Складывается такая ситуация, что каждый следующий шаг будет ухудшать положение, как в шахматах. Кто играет в шахматы это знают. Получается, что вроде бы мы сами отстраивали эту финансовую систему, выстраивали институты и рычаги влияния, но при увеличении сложности эти рычаги влияния начинают срабатывать так, что мы утрачиваем возможность последующего влияния на систему. Это мы взяли 20-30-е годы XX в.. Возможно, кто-то будет изучать экономику и скажет, например, что возникновение неправительственной Федеральной резервной системы в США это и породило. А может, еще что-то найдут. Иными словами, мы не знаем точно, что именно породило ту сложность, которая приводит к запуску. К запуску чего? Механизма, который уже перестает быть управляемым теми, кто его создавал. Все равно как в случае с детьми.

Хоружий С.С.: Понятно. Вот это для меня действительно прояснило, в чем состоит аутопоейтичность конкретно. В этом пояснении прозвучал один аспект, который в наших дискуссиях всегда важен. Возникает впечатление, что в аутопоейтических системах исчезает, снимается вообще инстанция субъекта, сам уровень субъектности. Система вовлекается в самозамкнутую кольцевую динамику, где каждый момент этой системы, каждый ее элемент с равным правом может быть обозначен и как действующее, и как воспринимающее. В этом смысле аристотелевское разделение на «действие и претерпевание» уже просто неприменимо, и тем самым выделить инстанцию субъекта здесь уже нельзя.

Ивахненко Е.Н.: Совершенно верно, все именно так и обстоит. Если вы помните, Спенсер-Браун один из первых дезавуировал субъекта, поскольку у него речь шла о различениях, а вовсе не в том смысле, что он убрал личность. Это первое. А второе: у субъекта нет какого-то привилегированного способа отношения к действительности, отличного от способности различения. Нет привилегированной точки наблюдения или действия. Субъект включен в этот процесс на определенных правах: до какого-то момента он может пресечь свою включенность и восстановить ручное управление. Но оно будет ниже по уровню и возможностям. Ведь, участвуя в играх, можно получить и бóльший приз, или больше проиграть. А в ручном управлении, более гарантированная форма получения ограниченной выгоды, и он может себе вернуть. Более того, субъект может включить в контекст своего размышления весь процесс. Мне кажется, это важно.

Хоружий С.С.: Может ли? Вот это очень существенно. Возникает впечатление, что у него все-таки нет ключевой его прерогативы, которая и определяет само качество субъектности, — возможность быть источником перспективы, быть точкой, из которой перспектива целого выстраивается.

Ивахненко Е.Н.: Да, субъект затеял нечто такое, по поводу перспективы чего его просят не беспокоиться.

Хоружий С.С.: В то же время он заведомо вовлечен в другую, не в свою перспективу.

Ивахненко Е.Н.: Все именно так, но он озабочен моральными и ценностными обстоятельствами. Кнорр-Цетина, в частности, пишет, что в конечном итоге такого рода объекты начинают навязывать моральные и ценностные сдвиги. Кто знает, к чему могут эти ценностные сдвиги привести? Скажем, к отказу от ценности семьи или от каких-то других значимых вещей: от дружбы и чего-то такого. Что демонстрирует заигравшийся ребенок, расстреливая в ходе игры сестру? В этом смысле, конечно же, «социальные риски» должны стать заботой социологии в широком плане и антропологии. Когда мы говорим о социальных рисках, то мы часто заботимся о неизменности субъекта, о его сохранности. Но покушение на субъекта идет не только со стороны аутопоейзиса. Это покушение идет со всех сторон. Это не просто давящая на него социальность. Здесь речь идет о еще более сложных процессах, уже энергично вмешивающихся в это постоянство субъекта.

Хоружий С.С.: Тут очевидным образом возникает еще одна сфера пресловутой смерти субъекта, о которой говорит фундаментальная философия?

Ивахненко Е.Н.: Очень много смертей уже объявляли. Я не связывал бы ситуацию субъекта, о котором мы говорили, со смертью похожей на смерть текста в постмодернистских интерпретациях. Его ситуация — это реальная возможность *стать другим* с неопределенными и спонтанными последствиями.

Хоружий С.С.: Вопрос в том, каким другим? Смерть — это тоже становление чем-то другим.

Сержантов П.Б.: Стать вещью?

Ивахненко Е.Н.: Дело не в вещах. Речь идет о том, что мы меняемся не сами по себе, не исходя из какой-то точки намеченных изменений, а мы меняемся спонтанно, в ходе соработничества. Причем меняемся очень существенно. Более того, мы меняем социальную ткань. Я опять отсылаю вас к примеру с информационными технологиями и Интернет-комьюнити. Появляются акции, которые вне технологических устройств вообще нельзя было себе вообразить. Я не только флешмоб имею в виду. Сама по себе социальность меняет свою ткань, качество этой ткани, исходя из прогрессирующей аутопоейтической конструкции. Идентичность ведь тоже можно рассматривать как знаниевый конструкт, а не как набор ядерных, ментальных конструктов. Знания меняются, и мы меняем идентичность. А менять идентичность — это в некотором смысле быть не тем, кем я есть.

Сержантов П.Б.: Концепт эпистемической вещи, о котором вы говорили, и концепт виртуального. Тут напрашивается какое-то сопоставление. Вы говорили о таких свойствах эпистемических вещей как незаконченность, незавершенность. Виртуальность же характеризуется как недоактуализированность. Можно ли соотнести эпистемические вещи с понятием виртуального?

Ивахненко Е.Н.: С виртуальным сложно. Кстати, в английском языке «виртуальный» означает «фактический».

Хоружий С.С.: Мне представляется, что прямой связи с виртуальностью тут нет.

Ивахненко Е.Н.: Нет прямой связи. Но один момент необходимо прояснить. Одно дело «незавершенность» по отношению к тому, что мы знаем, как оно должно быть в будущем. Вот говорят: он еще не совсем специалист, он учится. А каким должен быть специалист, мы знаем. Или, скажем, он еще не вырос (как организм), но его генетическая

программа задает то, каким он должен стать, когда вырастет. Это одна «незавершенность». В случае с эпистемическими вещами ситуация другая. Тут незавершенность — совсем другое понятие. Здесь незавершенность есть способ продолжения, дления себя во времени. Это не движение к какому-то законченному состоянию. В этом смысле мы должны не только свое социологическое воображение поменять, поскольку часто наше воображение построено на представлении о том, что незавершенность — это по отношению к чему-то конечному. А вот этого «чего-то» и нет. Выдвинутые ящики и папки, уходящие в темноту — эта метафора Кнорр-Цетиной примерно об этом и говорит. Мне кажется, важно различать эти две «незавершенности». О виртуальности же я не думал. Вот Василий пишет диссертацию по информационным объектам, Интернет-комьюнити, возможно, у него есть соображения относительно виртуальности и аутопоейзиса.

Василий: Виртуальность и аутопоейзис системы в принципе соотносить можно. Когда мы начинаем говорить о виртуальной реальности, то там, естественно, тоже запускается аутопоейзис. Но это просто среда запуска. Если мы говорим о некоем виртуальном объекте, таком как модель (например, экономическая модель), то она может быть очень жестко детерминирована, задана и ограничена. Тогда мы не можем говорить об аутопоейзисе. Если мы имеем жесткие границы и не имеем развития, некой жизни, процесса, не заданного самим создателем, то мы не будем говорить об эпистемических вещах. Как только мы сталкиваемся с процессом, гипотезой или моделью, результат которых не предзадан, то мы имеем дело с аутопоейзисом.

Ивахненко Е.Н.: Есть еще один пример из квантовой механики. Я имею в виду очень известный эпизод в переписке Эйнштейна с Максом Борном об их споре относительно детерминированности процессов во Вселенной: «Играет ли Бог в кости со Вселенной или нет?». Мне кажется, что это столкновение классических и неклассических взглядов на детерминацию также внесло сложность в наше социологическое воображение. Похоже, мы делаем такую же ошибку: нам кажется, что материальный мир — такой грубоватый, а наше мышление — такое тонкое. А получается, что наше мышление не готово к тому, чтобы схватить обнаруженные и стучащие в нашу жизнь факты. Мышление в этой ситуации демонстрирует консервативность, пытаясь опереться на старый словарь, на прежние мыслительные схемы, комбинируя их. Иногда это удается. Но, в конечном итоге это все равно, что искать эфир в XIX веке.

Хоружий С.С.: Понятно, ответ на первый свой вопрос я получил. Еще один короткий вопрос технического рода. В том, что вы нам рассказали, где именно был элемент вашего нововведения, который явно присутствовал? В сфере коммуникации концепт аутопоейзиса уже применялся. Вам принадлежат экономические иллюстрации, это так?

Ивахненко Е.Н.: Некоторые принадлежат. Но я бы сказал, что это нововведение я обозначил во втором тезисе. Речь идет о сращивании двух тем. Объект-центричная социология вызывала у меня интерес по каким-то интуитивным соображениям, поскольку она охватывает изменчивость, значимую в этой теме. Но тема аутопоейзиса стоит отдельно. Первое сращивание производится при разделении объектов на инструментальные (оснастку) и эпистемические по принципу аутопоейзиса. Такого различия я больше нигде не встречал.

Хоружий С.С.: То есть проведение такой однозначной корреляции между эпистемическими объектами и аутопоейзисом, — вот это ваш элемент?

Ивахненко Е.Н.: Да, и еще второе сращивание — это подтягивание концепции Спенсера-Брауна, касающейся различия как фундаментальной операции. Александр Фридрихович Филиппов из Высшей школы экономики считает, что Спенсер-Браун брал

различение только в пространственном аспекте, а Луман — во временном. Я с этим не согласен, хотя к работам Филиппова у меня нет каких-то радикальных возражений. Но мне кажется, что Спенсер-Браун сформулировал какие-то исходные интуиции. Из этих интуиций вырастает, скорее, отношение: Варела-Матурана и Луман. В принципе, между ними есть связь, и я этим оперирую. Но Матурана возражал Луману по поводу использования аутопоейзиса в его, лумановской, интерпретации. Хотя, я думаю, что и Спенсер-Браун возразил бы тому, что Ивахненко здесь про него наговорил. Но так уж строится мир: у книги и высказанной фразы своя судьба.

Хоружий С.С.: Я хотел бы попросить Владимира Ивановича Аршинова прокомментировать доклад, поскольку он тоже занимается разработкой проблематики аутопоейзиса.

Аршинов В.И.: Прежде всего хочу сказать, что мне очень понравился доклад. Он во многом резонирует с тем направлением, которое я развиваю, и с тем, как пытаюсь применять идеи аутопоейзиса. Сама концепция эпистемического объекта представляется мне очень интересной. Но меня немного удивило, что вы ни разу не использовали слово «рекурсия», поскольку рекурсия в концепции аутопоейзиса — центральное понятие. Я здесь сошлюсь на авторитет фон Фёрстера. Есть письмо фон Фёрстера к Луману, его текст публиковался под названием «В каком смысле рекурсия является коммуникацией?». В этом тексте фон Фёрстер обосновывает тезис о том, что эпистемические объекты соотносятся с аутопоейзисом так же, как рекурсия соотносится с коммуникацией. Это письмо было написано в середине 90-х годов, когда были югославские события. Я объясню, почему эта ссылка важна. Фёрстер рассматривает следующую фундаментальную задачу. Вот у нас есть аутопоейзис «А» и аутопоейзис «Б». Спрашивается: как мы можем из этих двух аутопоейзисов создать третью систему, которая тоже была бы аутопоейтической? Фёрстер ссылается при этом на события в Югославии. На все разделения, мирный план Вэнса-Оуэна, другие документы и так далее. Фёрстер подчеркивает, что это самая фундаментальная социальная задача, которая пока не решена: мы складываем аутопоейзисы «А» и «Б», но не ясно, как из этого получить новый аутопоейзис. Далее в этом тексте фон Фёрстер развивает идею использования математической категории кванторов для социального познания. И здесь возникает проблема переноса идеи биологического аутопоейзиса, как он был определен Матураной и отчасти Варелой в область социального. Как вы знаете, позже пути этих двух исследователей разошлись. Варела активно использовал исчисление индикации, исчисление форм Спенсера-Брауна. У них есть на этот счет интересные публикации. Варела разрабатывал логику самореферентных высказываний. Вы совершенно правы, что обратили внимание здесь на работы Спенсера-Брауна.

По поводу «Законов формы» Спенсера-Брауна я хочу сказать, что связь с временной разверткой здесь все-таки строится. Есть такой известный математик Луис Кауфман, профессор Университета Иллинойс в Чикаго, он много пишет по поводу теории Спенсера-Брауна и связывает ее с семиотикой Ч.С. Пирса. Все эти контексты сейчас чрезвычайно модны. Чрезвычайно модно ссылаться на Спенсера-Брауна, который работал вместе с Бертраном Расселом и критиковал его теорию логических типов. Это его гениальная работа. Но в данном случае я хочу сказать по поводу субъекта и наблюдателя, который делает различения. Есть целое море литературы по «философии различения». Там обсуждается все та же машинерия: рекурсия, повторное вхождение в форму и т.д. Субъект не исчезает, но он как бы «пульсирует», исчезает статичность субъекта. Я бы даже не сказал, что исчезает трансцендентальный субъект. За этими умалчиваниями по поводу субъекта стоит очень простая вещь: трудно найти современную аутопоейтическую модель субъекта, которая согласовывалась бы с этим контекстом. Я думаю, что эта задача так или иначе будет решаться, поскольку бессубъектность имеет очень много слабых

следствий. Я хочу еще раз поблагодарить докладчика за его интересный и содержательный доклад. Спасибо.

Сержантов П.Б.: А поиски модели субъективности в аутопоейзисе ведутся?

Аршинов В.И.: Конечно, я сейчас просто не готов предъявить эту литературу. Но можно посмотреть журнал «Социокибернетика», его издают последователи Лумана. Есть целое направление «кибернетика-2». Можно посмотреть «Самоописания»⁸ Лумана в переводе Антоновского. Там Луман начинает обсуждение как раз с проблемы субъекта. По-существу, он оставляет этот вопрос открытым. Нужно каким-то образом включить в этого субъекта время. Луман апеллирует к Канту, описывает операцию повторного вхождения, и субъект оказывается ддящимся во времени. Здесь чувствуется Гуссерль, который, как известно, сильно повлиял на Лумана.

Ивахненко Е.Н.: Но Гуссерль существенно дезавуировал время. В аутопоейзисе со временем дело обстоит как раз не как у Гуссерля.

Аршинов В.И.: Не согласен. Гуссерль и Бергсон — это два философа времени. Я уж не говорю про Хайдеггера, просто напомним название его труда «Бытие и время». Это труд, без которого европейская культура была бы другой. Исчезает определенная, исторически сложившаяся, традиционная философская субъективность. Но постоянно идет поиск хотя бы тени субъекта. И этот поиск будет возрождаться вновь и вновь. Субъект — это своего рода «странный аттрактор», в концепции аутопоейзиса это относится к «рекурсивному процессу». Ведь, что такое рекурсия в динамических системах? Почему рекурсия есть коммуникация? Потому что рекурсия, в данном случае, это единство самореференции и инореференции. Для того, чтобы это единство осуществлялось, нужно понятие границы. А субъект живет на этой границе, по моему глубокому убеждению. Спасибо.

Хороужий С.С.: Спасибо, Владимир Иванович. Последняя часть дискуссии относилась к тому, что для проблематики нашего семинара является самым важным и заостренным. Об этом у нас возникал разговор и на предшествующих докладах самого Владимира Ивановича [Аршинова]. Мы здесь немало дискутировали о том, что делается с проблематикой личности и субъектности во всем этом эпистемологическом круге, во всей этой проблематике. Мое впечатление, что здесь присутствует несомненная ностальгия европейского, западного человека (у восточного этого не было бы) по субъекту. Эта ностальгия по субъекту (чтобы он непременно был) приводит к тому, что он сохраняется на уровне фразеологии, соответствующие слова употребляются. Но если подходить к этому вопросу в строгом русле классической философской традиции, то есть следить, какое нередуцируемое содержание в понятие «субъекта» и «субъектности» мы должны вкладывать, то мы приходим к очень крупным вопросительным знакам. Присутствуют ли здесь эти редуцируемые элементы? Сохраняется ли здесь еще право на употребление этих слов? В самой философии, как мы знаем, такое строгое отношение к терминам привело к тому, что мы о субъекте почти уже не говорим. В сегодняшних разработках новых онтологических, персонологических схем мы говорим о *субъектности*. Сохраняются некоторые предикаты, характеризующие субъекта, но о самом субъекте мы уже не чувствуем права говорить. И я бы сказал, что в проблематике аутопоейзиса, совершается еще один шаг, а, может, и не один, еще большего удаления от эпистемологической ситуации классической европейской философии, где субъект и субъектность действительно присутствовали и занимали центр эпистемологического ландшафта. Не занимают они здесь этот центр и занимать не могут. Интуиция классического философского понимания этих вещей говорит, что не может здесь этого быть. А подобная

⁸ Луман Н. Самоописания. М.: Логос, Гнозис. 2009 - 320 с.

фразеология употребляется по неизжитой старой любви к субъектности, к персонологическому элементу, без которого западный человек *себя не видит*.

Ивахненко Е.Н.: У Стива Фуллера есть статья «Антропная или кармическая альтернатива»⁹. Там как раз говорится об утрате антропной перспективы. И, если задумываться над культурными паттернами, то здесь интересен взгляд на кармическую перспективу. В целом это можно расценивать как «игру» на сближение Запада и Востока в той теме, о которой вы говорили, поскольку на Востоке субъектности не было.

Хоружий С.С.: В восточном дискурсе ностальгии по субъекту точно не было бы. И думаю, что если бы восточный разум выстраивал проблематику аутопоезиса, то он спокойно обошелся бы без этого словаря, и все выглядело бы естественно.

Дмитрий Щукин: Если говорится, что рядовому участнику рынка, например, остается только приноравливаться к системе, которая им воспринимается как живая, то насколько здесь употребим термин «эволюция» или «коэволюция» (взаимное развитие) некоей «единой» системы? И второй вопрос: можно ли свести непредсказуемость рынка и этого развития просто к свободе тех элементов, которые собственно берутся из социальности?

Ивахненко Е.Н.: По ходу того, как вы задавали вопрос, у меня возник еще один аргумент для Сергея Сергеевича [Хоружего]. Он возник именно в связи с вашим вопросом, поскольку человек в конечном счете теряется в этой системе, утрачивается. Этот аргумент очень простой. Вот у меня есть коммуникатор. Я им как-то пользуюсь, но всех его функций не исчерпываю. И неожиданно для себя обнаруживаю то одну, то другую новую функцию. В чем здесь проблема? Субъект обладает определенным ограниченным ресурсом памяти, времени, энергетическими возможностями и т.д. И в этом смысле предопределено, что по мере вхождения в сложную систему, требующую большого интеллектуального, энергетического ресурса для ее освоения, человек всегда будет естественным образом ограничен. Скажем, конкретный работник банка или трейдер, не может познать всю систему не только потому, что она непрозрачная или непознаваемая, а еще и потому, что он весь свой ресурс тратит на инструментальную деятельность. Когда мы имеем дело с такими системами, мы не можем не говорить об ограниченности человеческого ресурса. Это первая позиция, почему наступает момент подчинения субъекта и его утраты. Человек порождает такую сложную систему, которая требует от него больше, чем он может осилить, чтобы в нее включиться. И он начинает все больше и больше играть подчиненную роль.

Хоружий С.С.: Да, классическая линия философской персонологии и субъектологии эти предикаты очень плохо умеет чувствовать. Характеризуя субъекта, скажем, сознанием, как мы можем вложить эту ограниченность сознания, разума, возможности следующего шага, продвижения, усвоения знания? Это просто входит в дефиницию.

Ивахненко Е.Н.: Классическая модель эпохи Просвещения, в которой преобладает представление о неограниченности человеческих возможностей, — это затянувшееся, передающееся по эстафете представление, никак не сопоставляемое с реальностью.

Хоружий С.С.: К сожалению это уже вписано в сетку наших понятий.

Ивахненко Е.Н.: Это вписано, и на этом расколе возникают многие вещи. В XIX веке выпускник университета знал практически весь набор достижений своего времени, а в первой половине XX века нужно было заканчивать специальный факультет, и то далеко

⁹ Фуллер С. Антропная или кармическая альтернатива: модернизация научно-религиозного дуализма для XXI века // Эпистемология и философия науки, 2005, т. VI, №. 4. С. 181-191. (Стив Фуллер – профессор социологии Университета Уорик, г. Ковентри, Великобритания.)

не все знать. Есть еще такой важный момент, который почему-то оказался незамеченным. Может быть, это моя вина. Это экспертиза и экспертные сообщества. Когда мы придем к экспертизе, то убедимся, что именно экспертиза порождает все эти культуры в том значении, о котором я говорил. В докладе я умышленно это локализовал, потому что не имею возможности все это подробно рассмотреть. Я, возможно, не совсем ответил на заданный вопрос, но постарался прояснить некоторые моменты.

Вопрос из зала: Может ли человечество, осознавая эти риски, каким-то образом изменить форму и характер научного поиска или вообще отказаться от научного поиска?

Ивахненко Е.Н.: Я за человечество вряд ли отвечу. Но вот фуллеровская статья, в частности, говорит о том, что европейцам скорее всего придется обращать внимание на кармическую перспективу. Это очень важная позиция. Например, природосберегающие концепты лучше выстраиваются на идее равного взаимодействию, чем на идее антропоного доминирования. Западная цивилизация — это силовая, агрессивная, давящая, это цивилизация силы. И в конечном итоге философские продукты, с которыми мы работаем, несут в себе эти черты.

Хоружий С.С.: Эта классическая характеристика Запада уже вполне переходит в свою противоположность. Сегодняшнее европейское сознание, какое угодно, но только не давящее. Оно, скорее, откровенно мазохистское сознание. Традиционное описание его как агрессивного, давящего и напирającego слабо соотносится с реальностью теперешнего Запада.

Вопрос из зала: В контексте вашего доклада можно ли говорить о том, что человек в сложных технических системах используется ими наподобие футуристической матрицы братьев Вачовски?

Ивахненко Е.Н.: Сложный вопрос. Возьмем сетевую структуру. Мы сейчас произнесли это слово впервые, тем не менее аутопоезис сетей и комьюнити — распространенная тема, там на самом деле идентичность потребляется. Сети не могут пользоваться антропным продуктом, не идентифицирующим себя. На этом построена их «уловка», если хотите, их способ расширения, подпитка и так далее. Тут есть это встречное движение. Это некий анонимный механизм, который «поедает» человеческое. То есть, в качестве своего роста, своего ресурса сети используют человеческую идентичность. В таком ключе мы не так часто об этом говорим. Мы чаще думаем, что строители сети получают какую-то выгоду, а вот люди — бедные, их используют. Мы в субъект-объектных категориях не улавливаем существа, того «двигателя», который задает сетям рост. Я бы так ответил. В сетевых структурах есть очень много любопытных вещей.

Хоружий С.С.: Хорошо, что мы сетевые системы тоже затронули.

Ивахненко Е.Н.: Они очень близки по сути к теме аутопоезиса. Сеть работает как аутопоезическая машина.

Комментарий из зала: К вопросу о подчиненности человека вещи, или вещи человеку. Мы здесь используем старую логику: кто кому подчинен. Подчинена рука носу или нос руке? Так нельзя ставить вопрос. В этих системах мы на одном уровне с вещью, а не подчинены ей. Это единая система, в конце концов, и самоидентичность человека может быть заменена самоидентичностью самой системы. Это не подчинение, а взаимодействие.

Ивахненко Е.Н.: В каком смысле вы используете здесь термин «идентичность»?

Хоружий С.С.: Присоединяюсь к вопросу. Здесь опять начинается безудержная экспансия любимых европейских понятий. Для начала «идентичность системы» — это нонсенс.

Ивахненко Е.Н.: Совершенно верно, идентичность, скорее, может быть у комьюнити, но и она — личностное выражение. Но здесь есть один важный момент. Я не случайно говорил об идентичности как знаниемом конструкте. Идентичность может быть представлена разными пакетами описаний и разными словарями: тут и «ядерная структура», и «ментальность» и т.п. вещи. Представление идентичности в терминах «знаниевой структуры» позволяет рассмотреть ее применительно к сетям. Поскольку в сетевых сообществах есть и различие, и рекурсия, как способ построения коммуникации, и повторения, которые выстраивают некую «взаимность». Иными словами, это единый кластер различения, и туда попадает личность, идентифицирующая себя с объектом.

Клеопов Д.А.: Выстраивающиеся уровни сложности в процессе аутопоезиса, что это — все усложняющиеся структуры реальности? Или это шаги от реальности в сторону, условно скажем, виртуализации, отхождения от реальности?

Ивахненко Е.Н.: У нас на кафедре будет вести курс Яна Геннадиевна Бражникова, замечательный специалист. Она обсуждает то, о чем вы говорите, в терминах постмодернистского дискурса. Она рассматривает «реальность» как наслоение иллюзорных симулякров друг на друга. Что такое реальность? Спенсер-Браун, например, считает, что то, что мы называем «реальностью» (если вообще что-то так называть), — это «серый шум». А действительность (подлинность) появляется после первого различения. И дальше выстраивается пакет этих различений того, что мы называем «подлинностью». В этом смысле я считаю: то, что мы говорим об аутопоезисе, и есть самая настоящая наша действительность. Мы не имеем еще какого-то привилегированного способа апеллировать к реальности как таковой. У нас нет другого способа, кроме тех систем различений, которые привели нас к этому набору знаний. Философия, перефразируя физика, это то, чем занимается философ. В этом смысле мы конструируем саму действительность, а не ее иллюзорную часть, которая подразумевает спрятанную в ней действительность. Это важный момент. Мы имеем дело с реальностью как таковой. А что другое есть реальность?

Хоружий С.С.: Здесь все-таки существенно не забывать феноменологическую трактовку этих выражений. Мы имеем дело с собственным опытом и находимся в его пределах. Наша реальность — это на самом деле наш опыт. А вот что такое опыт, каков опыт человека — это другое дело. «Подлинность» должна пониматься с этой коррекцией. Между нами и реальностью — подлинной, аутентичной, какой угодно — всегда стоит категория опыта. Игнорируя этот барьер опыта, невозможно говорить о таких концептах как «подлинность», «реальность». Иначе, что имеется ввиду?

Ивахненко Е.Н.: Согласен.

Клеопов Д.А.: Есть такой философ Александр Куприянович Секацкий. Он писал о последнем кризисе как кризисе экспертной системы. Есть уровень людей, которые принимают решения, и они к тому, что такое реальность или действительность, имеют очень слабое отношение. Они пользуются какими-то интегральными параметрами, чем-то вроде средней температуры по госпиталю. Очевидно, что по такому нелепому показателю трудно выбрать адекватные действия. Например, чтобы поддерживать среднюю температуру в госпитале, легче вгонять уже поправляющихся людей в «горячку», чем принимать новых больных. То есть действовать на основе принципа, саморазгоняющего систему. Это вопрос о кризисе экспертных групп, об их отношении к реальности.

Ивахненко Е.Н.: Узнаю риторику Александра Куприяновича. Тут есть один момент. Существует одно высказывание Гринспена, который был уверен в своих действиях до 2008 г., а потом растерялся. И он высказал свою растерянность так: «Мы применяем одну математическую модель за другой. Но по своей сложности процесс

просто невообразимо шире, глубже и мы не знаем, куда он ведет». Это признание отнюдь не рядового эксперта. Это первая позиция.

Вторая. Вот мировая «двадцатка», которая вырабатывает решения по поводу кризиса. Каждый из них вооружен группой экспертов высочайшего класса. И что происходит? Если посмотреть на меры, которые предпринимаются, то увидим, что борьба с кризисом идет в двух направлениях. Одно направление — попытки нажать на рычаги, которые могут кризис приостановить. А второе – разгонять систему дальше, придавать ей еще бóльшие обороты. Тогда система еще некоторое время будет давать результат, хотя в конечном итоге, похоже, это приведет к еще бóльшему кризису. Но там уже можно будет подготовиться. Например, вовремя от чего-то отказаться. Да, действительно, это кризис экспертных групп: они не знают, что делать. Сейчас нет экспертов, даже среди самых продвинутых, которые могли бы быть с аутопоейзисом «на короткой ноге».

Щукин Д.: Здесь было использовано такое словосочетание, как «кармическая перспектива». Можно ли это понимать так, что в какой-то момент произойдет непредсказуемое развитие системы, которое обернется вполне определенной функцией, но уже не зависящей от ее создателей?

Ивахненко Е.Н.: Конечно. Отчасти собственно так уже и есть на самом деле. Есть обращение к Богу. Это не богохульство, а в смысле обращения Эйнштейна и Бора. Вопрос ведь стоит так: если есть существо, которое знает все, то случайность или спонтанность возможна или нет? Современная наука, квантовая физика и аутопоейзис, как раз и показывают, что спонтанность является условием природы. Не недостатком нашего познания, не то, что мы где-то не смогли найти средства для познания и описания чего-то. Нет, случайность и спонтанность вписаны, если угодно, в онтологию. Наверное, так оно и есть, потому что наши возможности здесь ограничены.

Хоружий С.С.: Замечательно. На обращении к Богу семинар явно пришла пора закрывать. Поблагодарим докладчика, друзья.